

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ: КРИЗИС ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Чуркин М.К.¹

¹ ФБГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск. Набережная Тухачевского, 14), e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Статья посвящена выявлению факторов, оказавших влияние на формирование и эволюцию подходов в отечественной историографии к оценке состояния аграрного вопроса и переселений на восточные окраины Российской империи. Установлено, что традиционная схема в осмыслении переселенческого процесса в тесной связи с экономическим состоянием земледельческой отрасли в центре страны разрабатывалась в специальной литературе экономического и этнографического содержания второй половины XIX – начала XX вв. непосредственными очевидцами и участниками переселенческого дела. В результате экстраординарная ситуация, сложившаяся в аграрной сфере России в этот период, оказала влияние на исследовательские практики, ориентированные преимущественно на рефлексию экономической составляющей крестьянских миграций. Позитивистские модели решения проблем, связанных с аграрной темой, а также миграционными явлениями, стали доминирующими в историографической традиции советского и, отчасти, постсоветского периода. Только на рубеже XX–XXI столетий начинают формироваться условия для преодоления эвристически-познавательных стереотипов в исследованиях аграрного вопроса и переселений, что сделалось возможным благодаря обращению историков к новым методологическим принципам и научно-исследовательским практикам.

Ключевые слова: историографическая традиция, аграрный кризис, переселенческое движение, аграрная колонизация, стратегии адаптивного поведения

THE AGRARIAN QUESTION IN RUSSIA AND RESETTLEMENT ON THE EASTERN OUTSKIRTS OF THE EMPIRE: CRISIS OF HISTORIOGRAPHICAL TRADITIONS AND WAYS OF ITS OVERCOMING

Churkin M.K.¹

¹ FBGOU VPO «Omsk State Pedagogical University», Omsk, Russia (644099, Omsk. Tukhachevsky Embankment, 14), e-mail: proffchurkin@yandex.ru

The article focuses on the factors that influenced the formation and evolution of approaches in Russian historiography to assess the state of the agrarian question and relocations on the Eastern outskirts of the Russian Empire. It is established that the traditional scheme in the understanding of the resettlement process in close due to the economic state of the agricultural industry in the center of the country, were developed in the literature of economic and ethnographic content of the second half of XIX – early XX centuries direct witnesses and participants of the resettlement case. As a result, the extraordinary situation in the agrarian sector of Russia in this period, had an impact on research practice focused mainly on reflection of the economic component of peasant migrations. Positivist models of solutions to the problems associated with the agricultural theme, and also the migration phenomena become dominant in the Soviet historiographical tradition, and partly post-Soviet period. Only at the turn of XX – XXI centuries, begin to form conditions for overcoming heuristically-cognitive stereotypes in studies of the agrarian question and relocations, which is made possible by circulation of historians to new methodological principles and research practices.

Keywords: historiographical tradition, agrarian crisis, migration movement, agrarian colonization, adaptive behavior

Традиционная схема в оценке состояния аграрного сектора экономики Российской империи в основных своих позициях сложилась к концу XIX в. в трудах историков, экономистов, этнографов – современников происходящих событий. Пореформенная эпоха, отмеченная модернизационными процессами во всех сферах жизни, включая земледельческое производство, характеризовалась демографическим переходом –

стремительным ростом населения, возникшим на этом фоне крестьянским малоземельем, истощением почв в наиболее агрегированных в сельскохозяйственный оборот регионах страны. Главным макроэкономическим стимулом к выселению сформировавшегося излишка населения большинство исследователей склонно было считать устойчивую традицию экстенсивного земледелия при минимальном уровне агротехнической оснащенности сельскохозяйственного производителя. Таким образом, именно на исходе XIX в. в научно-публицистический оборот внедряется понятие «аграрный кризис». По замечанию П. Грегори: «Сила сложившегося в конце столетия консенсуса относительно “аграрного кризиса” является поистине впечатляющей, причем это убеждение до сих пор остается предметом веры среди историков» [2]. Следствием экономического неблагополучия в аграрной сфере исследователи конца XIX – начала XX вв. называли рост внеземледельческого отхода в сельской местности, расширяющуюся практику арендных отношений, переселения на восточные окраины страны. С 1880-х гг. земледельческие миграции за Урал становятся статистически заметным явлением, что отмечалось в специальной литературе тех лет, фиксировалось в официальном делопроизводстве.

В этой связи необходимо признать тот факт, что модернизация экономики Российской империи разворачивалась в условиях доминанты патриархального уклада и правовой обособленности главного субъекта аграрного производства – крестьянства, составлявшего более 80,0 % населения страны. Во многом поэтому решение аграрного вопроса рассматривалось как в официальной пропаганде, так и в либеральной публицистической практике в качестве необходимого условия для преодоления социальной нестабильности. Развернувшаяся на рубеже веков на страницах общественно-политических журналов и научно-публицистической литературы полемика по вопросам современного состояния аграрного производства и крестьянских переселений носила резко политизированный характер, а выводы авторов, за редким исключением, конструировались с ориентацией на сиюминутность, социально-политическую актуальность ситуации, вне историографического режима оценки сложившейся ситуации. В собственно исторической науке, базировавшейся на позитивистских основаниях, проблемы аграрного характера и народных миграций освещались по преимуществу сквозь призму количественных показателей, а также роли государственных структур в урегулировании «аграрного кризиса», организации переселенческого движения [7].

Совершенно естественным выглядит то, что данный подход практически в неизменном виде «перекочевал» в исследовательские схемы советского и раннего российского периодов отечественной историографии, трансформировавшись в теорию аграрного кризиса, логично объяснявшую причины экономических катаклизмов,

разразившихся в России на рубеже XIX–XX столетий со всеми коннотациями, включая интенсивные миграции сельского населения.

Подобная оценка причин возникновения кризисных явлений в сельском хозяйстве, а также переселенческого движения земледельцев на малоосвоенные восточные окраины страны не лишена здравого смысла и, безусловно, заслуживает внимания. Вместе с тем экономический, деперсонифицированный подход к такому значительному явлению в аграрной истории страны, как переселение, чреват пониманием крестьянских миграций только в виде элементарного механического перемещения бесформенной массы земледельцев, искавших спасения от голодной смерти во вновь колонизируемых районах Российской империи.

Альтернативный подход к оценке аграрных проблем в российской истории связан с постепенно набирающей «мышечную массу» практикой рефлексивного крестьяноведения. Опыт крестьяноведческого подхода в отечественной историографии первоначально нашел отражение в работах Н.Д. Кондратьева [5], А.В. Чаянова [15], А.Н. Челинцева [16], отвергнутых по идеологическим соображениям к концу первой четверти XX столетия. Условия для возвращения к крестьяноведению в России вновь возникли в связи с научно-теоретической деятельностью американского историка Т. Шанина, еще в 1960–1970-е гг. провозгласившего доминантным принцип осознания субъективности объекта общественных наук, междисциплинарного подхода к исследованию аграрного сектора экономики России, признания крестьянства в качестве особого социального явления, достойного отдельных теоретических размышлений.

Конституирование крестьяноведения как исследовательской практики во многом оказалось обремененным безрезультативности огромных капиталовложений западных государств в экономику развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. На этом основании был сделан продуктивный вывод, сообразно с которым феномен развивающихся стран оказался в том, что они, будучи, по сути, крестьянскими обществами, своеобразно интегрировались в мировой рынок. Относительно России адептами новой методологии Т. Шаниным, Дж. Скоттом и иными было высказано предположение, что «это страна, которая "не развивается", т. е. не развивается согласно ожиданиям теории прогресса; это страна, чье развитие заблокировано внешними силами и внутренними факторами» [11].

Столь резкий методологический поворот в исследовании аграрного вопроса имел двоякие последствия.

С одной стороны, рефлексивное крестьяноведение, изначально позиционируя себя в качестве сугубо аполитичной методологии, быстро ангажировало в свои ряды часть региональных исследователей аграрного вопроса, активно осваивая его внеполитические

аспекты. В монографиях, статьях и комментариях к ним в параметрах крестьяноведческого дискурса центральное место заняли новые понятия: «моральная экономика», «экономика и этика выживания», «социальная память крестьянства», недвусмысленно указывающие на антропологический характер крестьяноведения как исследовательской дисциплины [8].

Знаковое влияние на процесс антропологизации подходов к осмыслению истории, в том числе и аграрной, оказало широко обсуждаемое в научно-исторических кругах понятие менталитета, введенное в научный оборот еще в 1930-е гг. представителями школы «Анналов, ставивших во главу угла не традиционные для исторической науки вопросы истории государства и права, а проблемы обыденного мышления, развития идей и способов поведения в контексте времени большой протяженности и массовости».

Произошедший методологический прорыв привел к значительному расширению спектра вопросов, связанных с историей, прежде всего с содержательными моментами переселенческого движения, что не только существенно продлило жизнь данному научному направлению, но и вывело его на новый качественный уровень.

В первую очередь необходимо обратить внимание на факт постепенного освобождения историографии переселенческой проблемы от абсолютного доминирования тенденции, столь присущей «региональной истории», в параметрах которой регион рассматривался как самодостаточное целое при сведении к минимуму содержания его взаимодействия с центром. Ряду исследователей, пишущих в рамках направления «новая история империи», удалось в какой-то степени «примирить» имперский и региональный нарративы, выделив в качестве первоочередной задачу изучения сложной ткани взаимодействия имперских властей и местных сообществ (это А.В. Ремнёв, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, М.В. Шиловский и др. [13]).

В результате в предметное поле исследователей Сибири, работавших ранее в узком русле переселенческой проблематики, попали темы характеристики образов Сибири, их эволюции в общественном мнении и массовом (коллективном) сознании россиян в продолжительных хронологических параметрах колонизации восточных окраин страны (конец XVI — начало XX вв.), что потребовало обнаружения и детального анализа акторов влияния на процессы формирования сибирской региональной идентичности (Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин [4], Н.Н. Родигина [12] и др.).

В заданных масштабах сегодня осуществляются исследования массовых трансрегиональных миграций из губерний Европейской России (регион-донор) в земельные местности Сибири (регион-реципиент) с учетом стадийных особенностей переселенческого процесса, сочетания природно-географических, экономических, социально-психологических условий регионов выхода и водворения. В рамках предлагаемой

модели миграционная активность крестьянства рассматривается с точки зрения совокупности влияния факторов природно-географического, экономического, социокультурного и социально-психологического характера, реализуемых в границах единого колониционного пространства. Решающее значение придается характеристике социально-психологического облика крестьянства (старожилов и переселенцев), природным и социально-психологическим аспектам адаптации мигрантов в Сибири, стратегиям адаптивного поведения на всех стадиях миграции, этническим, геодемографическим и гендерным аспектам переселенческого движения (М.К. Чуркин. [17], Б.Е. Андюсев [1], И.И. Кротт [6], М.А. Нагорная [9] и др.).

В новом ключе осваивается и тема организации крестьянского хозяйства в Сибири — посредством определения базовых элементов его внутреннего строя; условий, форм и тенденций модернизации, системных связей между природно-географическими, экономическими и политико-правовыми «агентами» крестьянского землеустройства и землепользования в колонируемом регионе (П.Ф. Никулин [10], М.В. Дорофеев [3] и др.).

Однако современные исследователи аграрных миграций в Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв. в рамках новой методологической практики столкнулись с целым комплексом непреодолимых препятствий, определяемых текущим состоянием исторической науки. В частности, выяснилось, что за спинами авторов стеной стоит авторитетная (в какой-то мере авторитарная) историографическая традиция, сформированная в эпоху безраздельного господства позитивизма в исторической науке. Совершенно очевидно, что оформление историографической традиции в осмыслении аграрной проблематики и темы крестьянских миграций как ее неотъемлемой составляющей по большей части реализовывалось под влиянием марксистской познавательной парадигмы. В результате тема аграрных миграций, уже на рубеже 1980–1990-х гг., представлялась специалистам в данной области исчерпанной (аграрная политика царизма, прямое и обратное движение мигрантов, крестьянское малоземелье как причина миграционной активности и т.д.).

Симптоматично, что кризис марксистской методологии в исторической науке пришелся на время распада СССР и формирования новой российской государственности. Системный кризис в стране (идеологический, политический, экономический) естественным образом отразился и на состоянии исторической науки. Однако поколенческий разрыв наиболее явственно обнаружился именно в тех исследовательских отраслях, которые оценивались в качестве наиболее всесторонне и полномерно освоенных. В конечном счете новое поколение исследователей аграрных миграций и переселенческого вопроса, продолжительный период пребывая в состоянии «подмастерий», по сути дела было лишено

возможности привлечения немарксистских подходов и методологий в свои исследовательские проекты.

Только на рубеже XX–XXI вв. тема аграрных миграций в той или иной степени начинает рассматриваться с учетом принципов рефлексивного крестьяноведения. Симптоматично, что первенствующие позиции в данной области принадлежат именно региональным исследователям. Проблема здесь заключается в том, что так называемая общероссийская историография аграрного вопроса продолжительный временной отрезок находилась в «плёну» эвристически-познавательных стереотипов, видя в миграциях лишь следствие не решенных в центре страны проблем аграрного порядка, ограничиваясь чаще всего лишь констатацией факта переселений, облаченного в строгие статистические формулы. Но при этом в общероссийской аграрной историографии постепенно набирали силу ментальная и социальная истории, стремившиеся с опорой на крестьяноведческие подходы поставить вопросы, никогда ранее не входившие в круг интересов исследователей традиционного позитивистского формата: социальное поведение крестьянства в катастрофические периоды истории, стратегии выживания земледельцев в природно-географических условиях русской равнины, влияние природно-географического фактора на организацию и жизнедеятельность крестьянского двора, специфика адаптивного поведения крестьян и т.д. В известном смысле временная деидеологизация аграрной историографии привела к переосмыслению широкого спектра законсервированных положений аграрной истории. В частности, крестьянство перестало рассматриваться в качестве пассивного объекта исторического процесса, начала признаваться самобытность и «неудобность» земледельческого сословия России, в том числе и в имперский период.

Таким образом, можно предположить, что обращение к методологии рефлексивного крестьяноведения открывает широкие перспективы для системного осмысления аграрного вопроса и миграционных процессов в России второй половины XIX – начала XX вв. Продуктивность выводов здесь будет зависеть от способности исследователя к преодолению основных «неадекватностей», обозначенных теоретиками рефлексивного крестьяноведения: доминанты статистических методов и их внечеловеческих интерпретаций, узости и прагматичности мышления, навязываемых познавательными конструкциями осмысления исторических событий, а также исключительно государственного взора на происходящие в аграрной сфере события.

Список литературы

1. Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х

- гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв. Опыт реконструкции. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004. – 323 с.
2. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчёты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 256 с.
 3. Дорофеев М.В. Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Новокузнецк: КузГПА, 2007. – 135 с.
 4. Замятин Д.Н., Замятин А.Н. Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. – М.: Росспэн, 2003. – 720 с.
 5. Кондратьев Н.Д. Особое мнение: Избранные произведения в 2 кн. – М.: Наука, 1993. – 717 с.
 6. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 336 с.
 7. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дягтерёв. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 668 с.
 8. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – начало XX вв.) // Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
 9. Нагорная М.А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2012.
 10. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2009. – 384 с.
 11. Понятие крестьянства. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 432 с.
 12. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. – 343 с.
 13. Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. – М.: НЛЮ, 2007. – 368 с.
 14. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 152–159.
 15. Чайанов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.
 16. Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. – СПб., 1910. – 246 с.

17. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – 376 с.

Рецензенты:

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск;

Сабурова Т.А., д.и.н., профессор, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск.